

Все эти детали реальных событий, нашедшие отклик в рассказе автора, видимо, читавшего при работе над «Сказанием» летопись и ее волнующий рассказ о социальной буре 1068—1069 гг.,⁷⁶ делали чудо с узниками более значительным и полным актуального смысла.

Таким образом, мотив социального мира в рассказе об узниках, как и в чуде с сухорукой, раскрыт через тему беззакония и оправдания, неправедного суда и необходимости его исправления. В рассказе об узниках он приобрел еще большую политическую и художественную остроту. Литературные средства в обоих рассказах очень сходны. Единство замысла и формы позволяет считать и рассказ об узниках написанным Лазарем.

5

Коснулась ли рука Лазаря и других рассказов о чудесах? Опять сопоставим с этой целью текст «Чтения» и «Сказания».

Нестор, переходя к повествованию о чудесах, не выделяет его особым названием, но вводит короткую молитву, в которой благодарит бога за то, что страна обращена от «прелести идолестей» к христианству, что явились новые «угодники» Борис и Глеб, что их гробы исцеляют различные болезни. Далее, указывая, что подобное сокровище не могло быть скрыто в земле, он говорит о «знамениях» над могилой святых князей — о чудесно горевших свечах или огненном столпе. Любопытно, что здесь печерянин Нестор сравнивает могилу Бориса и Глеба с зарытым серебряным или золотым кладом, на месте которого «сребролюбых ради» дьявол показывает свои знамения «огнь горящ на том месте».⁷⁷ Может быть эта деталь связана с печерской легендой о варяжских кладах («варяжской поклаже»), в поисках которых позже князь Мстислав Святополчич пытал печерского монаха Федора.⁷⁸

В «Сказании» после текста «О Борисе как бе възбор», о котором мы скажем ниже, следует заголовок, выделяющий «Съказание чудес». Оно, как и в «Чтении», предварено вступлением о значении культа Бориса и Глеба.⁷⁹ Существенна первая же мысль этого текста: святость — это награда за страдание, справедливое «възмездие» за «труд» на земле, святые удостоиваются вечной жизни, а их «мертвая плоть» способна творить чудеса, изгонять бесов и исцелять недуги. Потому их и следует почитать. И вот доказательство того, как неверящие в их святость терпят кару. С этой мотивировкой и сообщается рассказ о варягах, один из которых ступил на могилу святых князей и огонь опалил его ноги. Здесь появление варягов мотивировано и другой связью — варяги добивали Бориса, а теперь он, став святым, их покарал: зло наказано. В «Чтении» ни убийства варягов, ни этой мотивировки нет.

Таким образом, начальная часть «Сказания о чудесах» оказывается тесно связанной с основной житийной частью произведения идеей справедливости и возмездия злу.

Любопытно, однако, что рассказ о пожаре церкви Василия оказывается в «Чтении» более подробным и конкретным, чем в «Сказании». У Нестора

⁷⁶ О восстании 1068—1069 гг. в Киеве вспоминали еще 80 лет спустя, в 1147 г. Киевская летопись, излагая ход событий, предшествовавших убийству Игоря, сообщает, что на вече «един человек» напомнил собравшимся историю с освобождением киевлянами Всеслава, протншего «много зла» «граду нашему», и посоветовал убить Игоря (ПСРЛ, II, стлб. 349). Тем более естественно, что после киевского восстания 1113 г. воспоминания о восстании 1068 г. были очень актуальны

⁷⁷ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 15—16.

⁷⁸ Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 118—119.

⁷⁹ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 52—53.